

УДК 343.915

DOI 10.17150/2500-4255.2017.11(1).98-108

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Д.И. Ережипалиев^{1, 2}¹ Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация² Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

11 ноября 2015 г.

Дата принятия в печать

24 января 2017 г.

Дата онлайн-размещения

28 марта 2017 г.

Ключевые слова

Преступность несовершеннолетних; периодизация; динамика и структура преступности; коэффициент преступности; латентность

Аннотация. В условиях кризисных явлений в экономике исследуются проблемы, связанные с фактическим состоянием преступности несовершеннолетних. В статье проводится анализ статистических показателей преступности несовершеннолетних за 16 лет (с 2000 по 2015 г.). Отмечается, что общая тенденция к снижению числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, не в полной мере отражает состояние законности в рассматриваемой сфере. Обосновывается точка зрения, согласно которой приводимые в статье статистические данные, фиксирующие сокращение подростковой преступности, могут быть обусловлены значительным количеством преступлений, скрытых от учета и регистрации, т.е. высоким уровнем латентности указанных преступлений, снижением активности правоохранительных органов по их выявлению, а также уменьшением общей численности подростков уголовно наказуемого возраста в анализируемом периоде. Выделяются основные этапы развития преступности несовершеннолетних с учетом абсолютных и относительных показателей. Дается качественная характеристика данного вида преступности за шестилетие (2010–2015 гг.), которой свойственна узость сферы преступных посягательств и преимущественно корыстная направленность деяний. Отмечается, что в преступную деятельность чаще всего вовлекаются несовершеннолетние из неблагополучных, неполных семей, социальные сироты, безнадзорные дети. Автор полагает, что существующая официальная статистическая отчетность препятствует реальной оценке криминальной пораженности учащихся, что, в свою очередь, снижает эффективность профилактической работы в рассматриваемой сфере. Определены наиболее острые проблемы, возникающие в рамках борьбы с преступностью несовершеннолетних. Спрогнозированы ее негативные последствия, выражающиеся в омоложении детской преступности, росте числа преступлений, совершенных несовершеннолетними по корыстным мотивам. Предлагается уделять более пристальное внимание проблемам, связанным с увеличением разрыва между реальными доходами населения и привлекательными жизненными стандартами, а также анализировать подростковую преступность с учетом поправочного коэффициента на ее латентность и сопоставительного анализа структуры рассматриваемого вида преступности.

JUVENILE DELINQUENCY AT THE PRESENT STAGE OF RUSSIAN SOCIETY'S DEVELOPMENT

Damir I. Erezhipaliev^{1, 2}¹ Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Moscow, the Russian Federation² National Research Nuclear University «MEPhI», Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2015 November 11

Accepted

2017 January 24

Available online

2017 March 28

Abstract. The author examines the actual state of juvenile delinquency in the conditions of economic crisis. The paper analyzes the statistical data on juvenile delinquency for 16 years (from 2000 tot 2015). The author notes that the general trend for the decrease in the number of crimes committed by minors or with their participation does not fully reflect the situation in this sphere. He proves that the presented statistical information, which shows a reduction in juvenile delinquency, could be explained by a large number of crimes that were not registered, i.e. by high latency of these crimes, by less active work of the law enforcement bodies aimed at their identification, and by the reduction in the number of minors that reached the age of criminal discretion in this period. The author also identifies key stages of juvenile crime development based on the absolute and relative indices. He offers a qualitative descrip-

© Д.И. Ережипалиев, 2017

Keywords

Juvenile delinquency; periodization; dynamics and structure of crime; crime rates; latency

tion of this type of crime for the period of six years (2010–2015) characterized by a narrowing sphere of criminal offences and a predominantly mercenary motivation of crimes. It is noted that the majority of minors are from dysfunctional, single-parent families, they are social orphans and neglected children. The author believes that the existing official statistics hinders the realistic evaluation of the criminal involvement of schoolchildren, which, in its turn, reduces the effectiveness of prevention activities in this sphere. The paper enumerates the most urgent issues in the fight against juvenile delinquency and predicts its negative trends: a younger age of offenders, increase in the number of crimes committed by minors out of mercenary motives. The author suggests paying more attention to the issues connected with the gap between the general income level and attractive standards of living. He also suggests analyzing juvenile delinquency with the use of a correction coefficient which would take into account its latent character and the comparative analysis of the analyzed type of crime.

Негативные последствия глобализации экономических и политико-правовых процессов на внутригосударственном, межгосударственном и региональном уровнях инспирировали «новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства» [1, с. 207], которые особенно болезненно могут сказаться на несовершеннолетних. Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, утвержденной указом Президента России от 12 мая 2009 г. № 537, в качестве одного из главных направлений государственной политики в данной сфере правоотношений на долгосрочную перспективу названо предупреждение преступности и поставлена задача по созданию единой системы профилактики преступлений и иных правонарушений¹. В этой связи целесообразно и вполне оправданно обратить внимание на фактическое состояние преступности несовер-

шеннолетних на современном этапе развития российского общества и возможности существующей официальной статистической отчетности отражать реальное состояние законности в рассматриваемой сфере.

В настоящее время преступность несовершеннолетних демонстрирует тенденцию к сокращению абсолютного числа расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, а также количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (рис. 1)².

Необходимо отметить, что подростковая преступность регистрируется только на основании данных о раскрытых преступлениях. За 16 лет (2000–2015 гг.) количество таких преступлений сократилось более чем в три раза (со 195 426 в 2000 г. до 61 153 в 2015 г.). Приведен-

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года : утв. указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

² Портал правовой статистики [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ : офиц. сайт. URL: <http://crimestat.ru> ; Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://www.gks.ru>.

Рис. 1. Динамика числа расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, а также количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, в РФ в 2000–2015 гг.

Fig. 1. Dynamics of the number of investigated crimes committed by minors or with their participation, and the number of identified juvenile delinquents in the RF in 2000–2015

ные данные могут быть обусловлены значительным числом преступлений, укрытых от учета и регистрации, т.е. высоким уровнем латентности указанных преступлений [2, с. 29; 3, с. 120], что является питательной средой для совершения новых деяний [4], снижением активности правоохранительных органов по их выявлению, а также сокращением в стране в анализируемом периоде общей численности подростков уголовно наказуемого возраста (рис. 2)³.

Численность населения указанного возраста, проживающего на территории Российской Федерации, с 2000 г. сократилась на 45,8 % (с 9 712 563 чел. в 2000 г. до 5 267 535 чел. в 2015 г.).

Анализ статистических показателей за указанные 16 лет позволяет выделить три периода в развитии преступности несовершеннолетних в современной России. Для объективной пери-

одизации были использованы единые критерии — абсолютные и относительные показатели, характеризующие тенденции в динамике преступности несовершеннолетних:

1. Первый (с 2000 по 2003 г.) — период статистически зарегистрированного максимума числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, и количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, при общей тенденции к их сокращению. В 2000 г. зарегистрировано 195 426 преступлений и 177 851 несовершеннолетний, совершивший преступления; коэффициенты преступности несовершеннолетних и криминальной пораженности в 2000 г. составили 2 012,10 преступления и 1 831,14 несовершеннолетнего, совершившего преступления (на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет), соответственно (рис. 3)⁴.

³ URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

⁴ URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

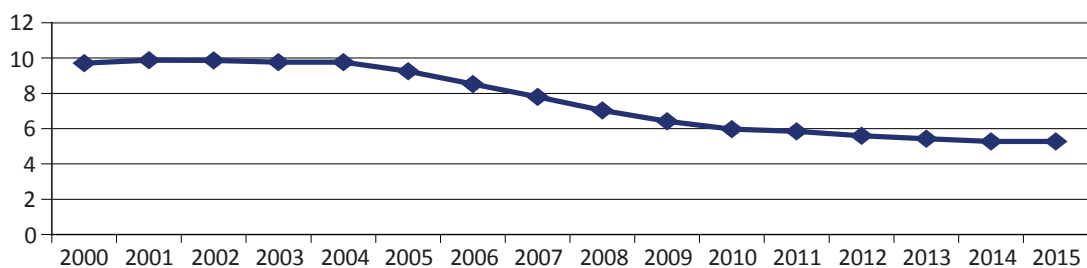
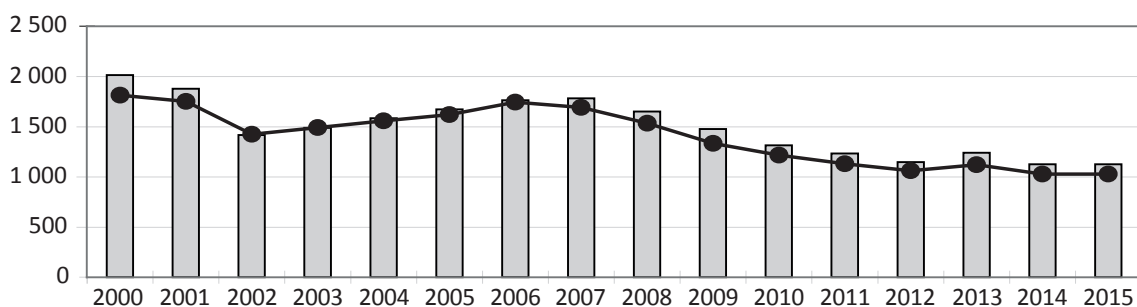

Рис. 2. Численность населения в России в возрасте 14–17 лет, млн чел.

Fig. 2. Number of persons aged 14–17 in Russia, mln

■ Число расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними, на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет / Number of investigated crimes committed by minors for 100 th. persons aged 14–17
● Число выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет, чел. / Number of identified juvenile delinquents for 100 thousand persons aged 14–17

Рис. 3. Динамика коэффициентов преступности несовершеннолетних и криминальной пораженности в 2000–2015 гг.

Fig. 3. Dynamics of juvenile crime coefficients and criminal impact in 2000–2015

При этом следует отметить, что в 2002 г. количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, в отличие от двух предыдущих лет, превысило число расследованных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (140 392 несовершеннолетних против 139 681 преступления).

2. Второй (с 2004 по 2007 г.) — период колебания абсолютных показателей преступности несовершеннолетних при общей тенденции к ее сокращению. Число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, два года (в 2004–2005 гг.) росло и два года (в 2006–2007 гг.) снижалось. Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, четыре года подряд (с 2004 по 2007-й) уменьшалось. При этом следует отметить, что в рассматриваемом периоде, в отличие от предыдущего, относительные показатели имели положительную динамику. Так, коэффициент преступности несовершеннолетних на протяжении всех четырех лет демонстрировал тенденцию к росту (в 2004 г. — 1 581,91, в 2005 г. — 1 671,81, в 2006 г. — 1 761,22, в 2007 г. — 1 782,22 преступления на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет).

3. Третий (с 2008 по 2015 г.) — период статистически зарегистрированного минимума числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, и количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, при общей тенденции к сокращению названных показателей с незначительным их колебанием (ростом) в 2013 г. В 2014 г. несовершеннолетними и при их соучастии совершено 59 240 преступлений (коэффициент преступности несовершеннолетних составил 1 124,62 преступления на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет), выявлено 55 089 несовершеннолетних, совершивших преступления (коэффициент криминальной пораженности составил 1 026,84 несовершеннолетнего, совершившего преступления, на 100 тыс. населения в возрасте 14–17 лет).

За 16 лет в стране число зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, существенно колебалось. В течение первых пяти лет регистрировалось свыше 150 тыс. преступлений, в течение последующих четырех лет — менее 150 тыс., но больше 100 тыс. и в течение шести лет — менее 100 тыс. преступлений. Такие колебания характерны и для количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления. С 2000 г. оно ежегодно

снижается. В 2015 г. этот показатель по сравнению с 2000 г. сократился на 68,9 % (со 177 851 чел. в 2000 г. до 55 365 чел. в 2015 г.).

Существенным резервом роста подростковой преступности являются несовершеннолетние, совершившие общественно опасные деяния и преступления до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, поскольку количество поставленных на учет в ПДН таких лиц все еще остается значительным (в 2010 г. — 37 726 чел., в 2011 г. — 34 950, в 2012 г. — 32 792, в 2013 г. — 32 619, в 2014–2015 гг. — свыше 30 тыс. чел.).

Следует отметить, что процесс сокращения числа выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, протекает более интенсивно по сравнению с сокращением численности детей, совершивших общественно опасные деяния, но не подлежащих уголовной ответственности по причине недостижения возраста ответственности. Данная тенденция в будущем может привести к негативным последствиям, выражающимся в значительном омоложении детской преступности. В связи с этим в научной литературе интерес к проблемам, связанным с возрастом уголовной ответственности, остается постоянным [5; 6, с. 211].

В рассматриваемом 16-летнем периоде удельный вес числа выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, в общем количестве выявленных лиц, совершивших преступления, сократился почти в два раза (с 10,2 % в 2000 г. до 5,4 % в 2015 г.). Однако на протяжении 2011–2015 гг. названный показатель сохранялся практически на одном уровне (рис. 4)⁵.

Следует отметить, что по стране данный показатель распределяется неравномерно. На протяжении ряда лет в некоторых федеральных округах фиксируется более высокий удельный вес числа выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (в Дальневосточном — 7,1 %, Сибирском — 6,9 %, Уральском — 6,5 %, Северо-Западном — 5,5 %). При этом рассматриваемый показатель существенно превышает общероссийский в 11 регионах (Забайкальский край — 10,3 %, Сахалинская область — 8,2 %, Новосибирская область — 8,0 %, Хабаровский край — 7,9 %, Архангельская область — 7,5 %, Ненецкий автономный округ — 7,3 %, республики Хакасия и Тыва — по 7,2 %, Республика Бурятия — 7,1 %, Магаданская область и Приморский край — по 7,0 %).

⁵ URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

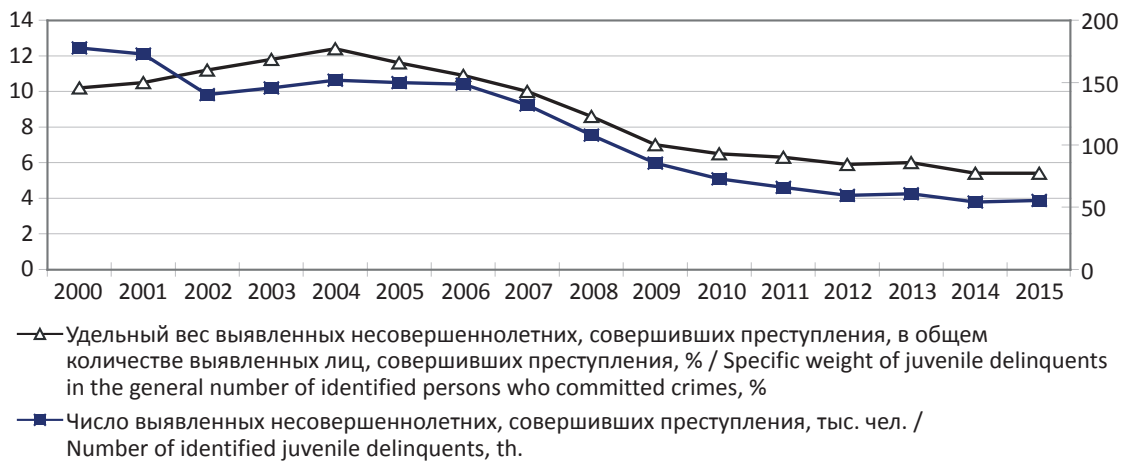

Рис. 4. Удельный вес числа выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, в общем количестве лиц, совершивших преступления, в 2000–2015 гг.

Fig. 4. Specific weight of the number of detected juvenile delinquents in the general number of persons who committed crimes in 2000–2015

В течение 16 лет наблюдалось три скачка в приросте числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии (+4,1 % в 2003 г., +6,2 % в 2004 г., +4,6 % в 2013 г.), и три скачка в приросте количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (+3,7 % в 2003 г., +4,3 % в 2004 г., +2,2 % в 2013 г.). Сопоставление абсолютных и относительных показателей, характеризующих тенденции в преступности несовершеннолетних, указывает на сохранение в исследуемом периоде их относительного равновесия.

При этом стоит обратить внимание на то, что для выделенных нами трех периодов, несмотря на колебание абсолютных и относительных показателей, характерна общая тенденция к сокращению числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, и количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления. Тем не менее в условиях кризисных явлений в экономике, роста внешнеполитической напряженности, сопровождающейся санкционными мерами в отношении России, необходимо уделять более пристальное внимание изучению преступности несовершеннолетних с учетом поправочного коэффициента на ее латентность [7] и сопоставительного анализа структуры рассматриваемого вида преступности.

Большое значение для характеристики направленности преступных посягательств несовершеннолетних имеет структура преступности

в зависимости от объекта посягательства. Анализ данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации показал, что чаще всего в качестве объектов преступных посягательств со стороны несовершеннолетних выступают собственность (76,1 %), жизнь и здоровье (7,3 %), половая неприкосновенность и половая свобода личности (1,7 %), общественная безопасность (0,8 %). В общей структуре осужденных, совершивших преступления в несовершеннолетнем возрасте, как и прежде, наиболее высок удельный вес подростков, совершивших: кражи — 43,8 % (10 329 чел.), грабежи — 13,6 % (3 219 чел.), угоны транспортных средств без цели хищения — 11,9 % (2 817 чел.), разбои — 4,3 % (1 014 чел.), умышленные причинения тяжкого вреда здоровью — 3,2 % (750 чел.).

В связи с проблемой сопоставимости форм статистической отчетности за 16-летний период (2000–2015 гг.), а также многочисленными изменениями, внесенными в УК РФ, анализ структуры рассматриваемого вида преступности осуществлен за шестилетний период (2010–2015 гг.).

Так, за шесть лет структура направленности преступных посягательств несовершеннолетних не претерпела значительных изменений (рис. 5)⁶.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что для несовершеннолетних характерна узость сферы преступных посягательств и преимущественно корыстная направленность деяний.

⁶ URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

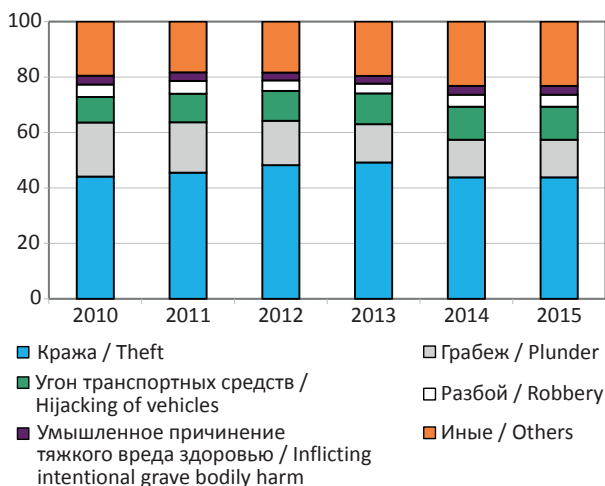

Рис. 5. Структура направленности преступных посягательств несовершеннолетних в 2010–2015 гг., %

Fig. 5. The structure of criminal offences by minors in 2010–2015, %

В связи с этим особого внимания, по нашему мнению, требуют проблемы, связанные с увеличением разрыва между реальными доходами населения и привлекательными жизненными стандартами (к примеру, желанием не отставать от моды на современные гаджеты — планшеты, смартфоны, компьютеры). Невозможность их достижения правомерными средствами способствует вовлечению несовершеннолетних в криминальную деятельность, в том числе совершению ими корыстных преступлений. Поэтому на ближайшие годы следует прогнозировать увеличение числа преступлений, совершенных несовершеннолетними по корыстным мотивам.

Чаще всего в преступную деятельность вовлекаются несовершеннолетние из неблагополучных, неполных семей, социальные сироты, безнадзорные дети. И это закономерно, поскольку, как отмечается в специальной литературе, качество жизни населения на определенной территории напрямую сказывается на состоянии преступности [8, р. 5; 9, с. 19]. В рамках научных изысканий научной школой Байкальского государственного университета с учетом уровня социально-экономического развития государства всесторонне исследованы вопросы качества жизни населения [10]. В широком смысле под качеством жизни понимается удовлетворенность населения своей жизнью с точки зрения различных потребностей и интересов [там же, с. 296]. При этом необходимо изучение особенностей конкретного региона, специфики

его географического, социально-экономического положения, криминологической ситуации и иных обстоятельств, в которых происходит нравственное формирование несовершеннолетнего и становление его как личности [11, с. 3].

Нередко преступления несовершеннолетних отличаются исключительной жестокостью, глумлением над потерпевшими, цинизмом. Среди подростков все больше распространены виды преступлений, которые ранее были присущи в основном взрослым, — разбойные нападения на иностранцев, посягательство на жизнь и здоровье с использованием пыток и др.

Значительным является число несовершеннолетних, осужденных за насильственные преступления, совершенные по мотиву национальной, религиозной и иной ненависти. В Перечне организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму, из 3 189 включенных в него физических лиц из числа граждан Российской Федерации значительное количество составляют лица 1990–1997 годов рождения⁷.

Проблема распространения радикальных идей среди детей в сети Интернет представляется крайне острой. Зачастую дети с неокрепшей психикой становятся объектами вербовки со стороны террористических организаций.

Работа по противодействию этому явлению стала более эффективной после предоставления Генеральной прокуратуре Российской Федерации права внесудебного блокирования информационных ресурсов экстремистского характера. За два с половиной года по требованиям Генеральной прокуратуры во внесудебном порядке Роскомнадзором заблокирован доступ к более чем 1 тыс. интернет-страниц, с 10 тыс. ресурсов противозаконные сведения удалены⁸.

В настоящее время существует процедура внесудебного блокирования информационных ресурсов, в которых содержатся призывы к экстремизму. Подобная процедура применительно к сайтам, пропагандирующим и публично оправдывающим экстремизм и терроризм, отсутствует. Сейчас это возможно лишь по судебному решению.

⁷ Перечень террористов и экстремистов [Электронный ресурс] // Росфинмониторинг : офиц. сайт. URL: <http://fedsfm.ru/documents/terrorists-catalog-portal-act>.

⁸ Генеральная прокуратура Российской Федерации [Электронный ресурс] : офиц. сайт. URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1091254>.

Таким образом, действующее федеральное законодательство, регламентирующее полномочия прокурора, не позволяет оперативно реагировать на нарушения закона в рассматриваемой сфере, на что неоднократно обращали внимание в Генеральной прокуратуре Российской Федерации⁹.

В связи с этим актуализируется вопрос о расширении полномочий генерального прокурора, предоставлении ему возможности блокировки сайтов, пропагандирующих и публично оправдывающих экстремизм и терроризм, по аналогии с уже существующей процедурой запрета призывов к экстремизму, а также о предоставлении прокурорам субъектов Российской Федерации права обращения в Роскомнадзор для внесудебного закрытия доступа к сведениям об организации массовых беспорядков, незаконных публичных акций (в настоящее время такими полномочиями обладают только генеральный прокурор Российской Федерации и его заместители).

Детерминантом распространения экстремизма является не только распространение экстремистской идеологии, но и отсутствие на государственном уровне продуманной общенациональной религиозно-идеологической концепции, признаваемой всем обществом, способствующей его духовному объединению, а также отсутствие общей федеральной идеологической политики в области религии, связанной с созданием теологических учебных заведений федерального (центрального) и регионального значения, которые проповедовали бы традиционные для Российской Федерации религиозные учения [12, с. 221, 223].

Кроме того, в последние годы сложилась негативная тенденция в виде размещения в Интернете сцен насилия, жестокости, сведений о способах совершения суицида, об изготовлении и распространении наркотиков, психотропных веществ и их аналогов и иной информации, наносящей вред здоровью несовершеннолетних пользователей Сети. Свободный доступ к такой информации способствует пропаганде среди детей и молодежи суицидального поведения, сексуального насилия и иных противоправных действий. Чаще всего запрещенная информация размещается в различных социальных сетях и наиболее известных поисковых системах, на видеохостингах.

⁹ URL: <http://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1091254>.

Вследствие указанных нарушений дети получают доступ к информационной продукции низкого нравственно-этического содержания, что оказывает на них растлевающее и психотравмирующее воздействие, приводит к деформациям нравственного и правового сознания. Сложившаяся ситуация во многом обусловлена отсутствием комплексной системы контроля за поведением ребенка, а также несовершенством федерального законодательства. Представляется необходимой разработка комплексных мер защиты детей в рассматриваемой сфере, в том числе действенных механизмов обеспечения безопасности детей в социальных сетях: блокирование на аккаунтах несовершеннолетних поисковых запросов и возможности вступления в сообщества, содержащие нежелательный контент.

Помимо этого, особое значение при характеристике содержания направленности преступных посягательств несовершеннолетних имеет анализ структуры преступности несовершеннолетних по категориям тяжести совершенных преступлений.

Почти каждое четвертое преступление, совершенное несовершеннолетними в 2015 г. (13 331), относится к категории тяжких и особо тяжких (в 2010 г. — 29,8 %, в 2011 г. — 27,6 %, в 2012 г. — 22,6 %, в 2013 г. — 21,8 %, в 2014 г. — 23,3 %, в 2015 г. — 21,7 %) ¹⁰.

Таким образом, о сохранении высокой степени общественной опасности преступности несовершеннолетних свидетельствует отмечаемая в последние годы тенденция к росту числа особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними (в 2013 г. совершено 1 757 таких преступлений, в 2014 г. — 1 777, в 2015 г. — 2 142).

Удельный вес числа несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии алкогольного опьянения, по-прежнему сохраняется на высоком уровне. Так, в 2010 г. он составил 10,0 % (или 7 255 чел.), в 2011 г. — 11,0 % (7 247 чел.), а в 2012–2015 гг. — 13,9 % (8 262, 8 428, 7 542 и 7 450 чел. соответственно).

Практика прокурорского надзора указывает также на распространенность случаев незаконной реализации алкогольной продукции через сеть Интернет. Только в январе 2016 г. прокуроры направили в суды свыше 1 тыс. исковых заявлений о признании размещенной на интернет-

¹⁰ URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

ресурсах информации о продаже алкогольной продукции дистанционным способом запрещенной к распространению на территории Российской Федерации. Подобные факты приводят к массовым отравлениям людей, и в том числе детей, контрафактной алкогольной и спиртосодержащей продукцией. Вместе с тем надлежащий механизм внесудебной блокировки сайтов с подобной противоправной информацией в настоящее время отсутствует.

В связи с этим полагаем целесообразным рекомендовать Правительству Российской Федерации определить федеральный орган исполнительной власти, который будет обладать правом внесудебной блокировки интернет-магазинов, продающих алкогольную продукцию.

Обоснованную обеспокоенность вызывает увеличение количества несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения.

Количество таких подростков за 2010–2015 гг. увеличилось более чем в три раза (со 172 в 2010 г. до 649 в 2015 г.). В 2015 г. удельный вес числа подростков, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения, составил 1,2 % от общего количества несовершеннолетних, совершивших преступления (для сравнения: в 2010 г. — 0,2 %, в 2011 и 2012 гг. — по 0,4 %, в 2013 г. — 0,7 %, в 2014 г. — 1,1 %) ¹¹.

В современных исследованиях преступлениям, совершенным в состоянии наркотического опьянения, уделяется значительное внимание [13; 14]. Вместе с тем прокурорами повсеместно выявляются факты бездействия при разработке комплексных антинаркотических программ. В них нередко включаются декларативные мероприятия или те, которые органами местного самоуправления не могут быть реализованы. Необходимые меры по выявлению и привлечению к ответственности граждан, вовлекающих несовершеннолетних в сферу наркопотребления, не принимаются. Отмечается тенденция к снижению финансирования региональных антинаркотических программ либо неэффективное использование выделенных средств. В условиях продолжающегося роста количества преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения, представляется целесообразным вновь поставить вопрос о возврате в России уголовной ответственности за

потребление наркотических препаратов без назначения врача [15, с. 63].

Кроме того, к факторам, способствующим подобным негативным явлениям, следует отнести нарушения требований законодательства в сфере защиты детей от вредной для них информации. В специальных исследованиях отмечается, что информацию о наркотиках подростки получают из социальных сетей [16; 17]. Между тем материалы прокурорских проверок свидетельствуют о недостаточной эффективности работы территориальных органов Роскомнадзора и о необходимости принятия ими дополнительных мер по усилению контроля за соблюдением требований законодательства в рассматриваемой сфере.

Неблагоприятные тенденции прослеживаются при анализе социально-правовой характеристики несовершеннолетних. Наблюдается увеличение доли учащихся и студентов в общем числе выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления (в 2010 г. — 69,0 %, в 2011 г. — 69,2 %, в 2012 г. — 69,1 %, в 2013–2015 гг. — свыше 70 %) ¹².

Следует отметить, что в настоящее время существующая официальная статистическая отчетность не содержит дифференцированных сведений по выявленным учащимся и студентам, а использует суммарное их количество, что не позволяет должным образом определить особенности преступной деятельности каждого из названных субъектов. Подобное обстоятельство препятствует реальной оценке криминальной пораженности учащихся, что, в свою очередь, снижает эффективность профилактической работы в рассматриваемой сфере.

Высоким остается удельный вес числа несовершеннолетних, совершивших групповые преступления. В 2010 г. он составлял 40,9 %, в 2011 г. — 42,5 %, в 2012 г. — 41,4 %, в 2013 и 2014 гг. — по 41,8 %, в 2015 г. — 42,2 % ¹³. К негативным тенденциям следует отнести рост в 2014 г. по сравнению с 2013 г. количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления в составе организованной группы или преступного сообщества. Негативные социальные последствия групповых преступлений, совершаемых детьми, более значительны, чем последствия деяний преступника-одиночки. Жестокость, импульсивность, интенсивность

¹¹ URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

¹² URL: <http://crimestat.ru> ; URL: <http://www.gks.ru>.

¹³ Там же.

и ситуативность групповых преступлений, совершаемых детьми, отягощают их последствия, часто доводят их до уровня, более высокого в сравнении с тем, который наблюдается даже в результате противоправных действий взрослого населения [18, с. 797].

Вместе с тем количество зарегистрированных случаев вовлечения несовершеннолетних в совершение преступления и антиобщественных действий (ст. 150, 151 УК РФ) сократилось практически вдвое (в 2010 г. — 4 159, в 2011 г. — 3 471, в 2012 г. — 2 537, в 2013 г. — 2 231, в 2014 г. — 1 905, в 2015 г. — 2 165). В связи с этим полагаем необходимым усилить надзор за исполнением законов органами дознания и органами предварительного следствия при расследовании групповых преступлений, совершаемых подростками или с их участием, что позволит более объективно оценивать состояние и структуру групповой преступности.

Кроме того, сами несовершеннолетние, подвергаясь нападениям со стороны сверстников, впоследствии также могут криминализироваться либо вновь подвергаться виктимизации. В этой связи в научной среде совершенно справедливо отмечается необходимость воздействия не только на несовершеннолетнего преступника, но и на его жертву, как правило, тоже являющуюся несовершеннолетней [19, с. 157; 20, с. 37].

При разработке профилактических мер особое внимание необходимо уделить увеличению доли несовершеннолетних, ранее совершивших преступления, в общем числе подростков, совершивших преступления: в 2010 г. — 19,1 % (13 913), в 2011 г. — 19,6 % (12 956), в 2012 г. — 21,8 % (12 942), в 2013 г. — 23,2 % (14 079), в 2014 г. — 26,1 % (14 093), в 2015 г. — 25,7 % (14 208)¹⁴.

¹⁴ URL: <http://crimestat.ru>; URL: <http://www.gks.ru>.

Подводя итог, можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития российского общества в динамике преступности несовершеннолетних следует выделить три периода. Для них характерна общая тенденция к сокращению числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, и количества выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления, однако указанная тенденция не в полной мере отражает фактическое состояние подростковой преступности, поскольку качественная ее характеристика из года в год ухудшается.

Преступности несовершеннолетних свойственна узость сферы преступных посягательств и преимущественно корыстная направленность деяний. Чаще всего в преступную деятельность вовлекаются несовершеннолетние из неблагополучных, неполных семей, социальные сироты, безнадзорные дети.

На фоне незначительного смягчения характера и степени общественной опасности преступлений, совершаемых детьми, отмечается увеличение количества несовершеннолетних, совершивших преступления в состоянии наркотического опьянения; рост доли несовершеннолетних, ранее совершивших преступления, в общем числе подростков, совершивших преступления; повышение числа особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними; значительное количество состоящих на учете в ПДН несовершеннолетних, совершивших общественно опасные деяния и преступления до достижения возраста привлечения к уголовной ответственности, и т.д. В связи с этим, на наш взгляд, необходимо более пристальное внимание уделять изучению преступности несовершеннолетних с учетом поправочного коэффициента на ее латентность и сопоставительного анализа структуры преступности несовершеннолетних.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев В.А. Конституционализация уголовного закона в сфере обеспечения права человека на жизнь / В.А. Авдеев, О.А. Авдеева // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Юридические науки. — 2014. — № 4. — С. 207–216.
2. Коробкин А.В. Формирование механизма возмещения вреда, причиненного преступлениями несовершеннолетних, в рамках восстановительного правосудия / А.В. Коробкин // Российский судья. — 2014. — № 8. — С. 29–30.
3. Ережипалиев Д.И. Преступность несовершеннолетних: современное состояние и деятельность органов прокуратуры по ее предупреждению / Д.И. Ережипалиев // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 1 (39). — С. 120–129.
4. Posadas A. Combating corruption under international law / A. Posadas // Duke journal of comparative & international law. — 2000. — № 10. — P. 345–414.
5. Агильдин В.В. Возраст как признак субъекта преступления / В.В. Агильдин // Сибирский юридический вестник. — 2015. — № 3. — С. 49–54.
6. Омигов В.И. Современная преступность России: ее особенности, характеристики и тенденции / В.И. Омигов // Вопросы правоведения. — 2014. — № 2. — С. 207–219.

7. Латентная преступность в Российской Федерации: 2001–2006 / под ред. С.М. Иншакова. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2007. — 351 с.
8. Fleissner D. Crime Prevention Through Environmental Design and Community Policing / D. Fleissner, F. Heinzelmann. — Washington : NIJ, 1996. — 5 p.
9. Бисярина А.Н. Правовые основы борьбы с торговлей несовершеннолетними в целях изъятия органов или тканей: современное состояние проблемы / А.Н. Бисярина // Российский следователь. — 2015. — № 12. — С. 15–19.
10. Развитие российского общества: социально-экономические и правовые исследования / О.В. Батурина [и др.] ; под ред. М.А. Винокурова, А.П. Киреевко, С.В. Чупрова. — М. : Наука, 2014. — 622 с.
11. Корягина С.А. Предупреждение преступности несовершеннолетних посредством применения мер уголовно-правового характера, влекущих судимость : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / С.А. Корягина. — Красноярск, 2004. — 22 с.
12. Меркурьев В.В. Организованное сопротивление борьбе с преступностью / В.В. Меркурьев. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 488 с.
13. Chmielowiec J. Health politics and strategies of action against drug addiction in European countries and the States / J. Chmielowiec, A. Rajewski // Family Medicine and Primary Care Review. — 2012. — Vol. 14, № 1. — P. 97–98.
14. Seddon T. Drugs, Crime and Social Exclusion: Social Context and Social Theory in British Drugs-Crime Research / T. Seddon // The British Journal of Criminology. — 2006. — Vol. 46, iss. 4. — P. 680–702.
15. Евланова О.А. Криминологические особенности преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения / О.А. Евланова, Н.В. Павловская // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2014. — № 1 (39). — С. 55–64.
16. Forouzandeh S. Content marketing through data mining on Facebook social network [Electronic resource] / S. Forouzandeh, H. Soltanpanah, A. Sheikahmadi // Webology. — 2014. — Vol. 11, № 1. — Art. 118. — Mode of access: <http://www.webology.org>.
17. Huang X. «Seeing» the social roles of brands: How physical positioning influences brand evaluation / X. Huang, X. Li, M. Zhang // Journal of Consumer Psychology. — 2013. — Vol. 23, № 4. — P. 509–514.
18. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. — 3-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма, 2005. — 912 с.
19. Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под ред. А.Л. Репецкой. — М. : Academia, 2008. — 304 с.
20. Подгорная С.В. Факторы криминогенного и виктимогенного характера, способствующие сексуальным посягательствам на несовершеннолетних / С.В. Подгорная // Российский следователь. — 2012. — № 18. — С. 37–40.

REFERENCES

1. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Constitutionalization of criminal law in the sphere of human rights to life. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2014, no. 4, pp. 207–216. (In Russian).
2. Korobkin A.V. Formation of the mechanism of compensation of harm, caused by crimes of minors, within recovery justice. *Rossiiskii sud'ya = Russian Judge*, 2014, no. 8, pp. 29–30. (In Russian).
3. Erezhipaliev D.I. Minors criminality: current status and activities of the of prosecutor's office for its prevention. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of Russian Ministry of Internal Affairs*, 2014, no. 1 (39), pp. 120–129. (In Russian).
4. Posadas A. Combating corruption under international law. *Duke Journal of Comparative & International Law*, 2000, no. 10, pp. 345–414.
5. Agildin V.V. The age as element of the subject of a crime. *Sibirskii yuridicheskii vestnik = Siberian Legal Bulletin*, 2015, no. 3, pp. 49–154. (In Russian).
6. Omigov V.I. Contemporary crime in Russia: specifics, characteristics and trends. *Voprosy pravovedeniya = Issues of Jurisprudence*, 2014, no. 2, pp. 207–219. (In Russian).
7. Inshakov S.M. *Latentnaya prestupnost' v Rossiiskoi Federatsii: 2001–2006* [Latent crime in the Russian Federation: 2001–2006]. Moscow, Yuniti-Dana Publ., Zakon i pravo Publ., 2007. 351 p.
8. Fleissner D., Heinzelmann F. *Crime Prevention Through Environmental Design and Community Policing*. Washington, NIJ, 1996. 5 p.
9. Bisyarina A.N. Legal fundamentals of struggle against minors' trafficking for the purpose of seizure of organs or tissues: the modern state of a problem. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2015, no. 12, pp. 15–19. (In Russian).
10. Baturina O.V. et al.; Vinokurov M.A., Kireenko A.P., Chuprov S.V. (eds). *Razvitie rossiiskogo obshchestva: sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [The Russian Society Development: Socio-Economic and Legal Research]. Moscow, Nauka Publ., 2014. 622 p.
11. Koryagina S.A. *Preduprezhdenie prestupnosti nesovershennoletnikh posredstvom primeneniya mer ugovolno-pravovogo kharaktera, vlekushchikh sudimost'*. Avtoref. Kand. Diss. [Prevention of juvenile crimes by the use of criminal law measures resulting in conviction. Cand. Diss. Thesis]. Krasnoyarsk, 2004. 22 p.
12. Merkur'ev V.V. *Organizovannoe soprotivlenie bor'be s prestupnost'yu* [Organized Counteraction to Fighting Crimes]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. 488 p.
13. Chmielowiec J., Rajewski A. Health politics and strategies of action against drug addiction in European countries and the States. *Family Medicine and Primary Care Review*, 2012, vol. 14, no. 1, pp. 97–98.
14. Seddon T. Drugs, crime and social exclusion: social context and social theory in British drugs-crime research. *The British Journal of Criminology*, 2006, vol. 46, iss. 4, pp. 680–702.
15. Evlanova O.A., Pavlovskaya N.V. Criminological characteristics of crimes committed by intoxicated persons. *Vestnik Akademii ekonomicheskoi bezopasnosti MVD Rossii = Bulletin of the Academy of Economic Security of Russian Ministry of Internal Affairs*, 2014, no. 1 (39), pp. 55–64. (In Russian).

16. Forouzandeh S., Soltanpanah H., Sheikahmadi A. Content marketing through data mining on Facebook social network. *Webology*, 2014, vol. 11, no. 1, art. 118. Available at: <http://www.webology.org>.
17. Huang X., Li X., Zhang M. «Seeing» the social roles of brands: How physical positioning influences brand evaluation. *Journal of Consumer Psychology*, 2013, vol. 23, no. 4, pp. 509–514.
18. Dolgova A.I. (ed.). *Kriminologiya* [Criminology]. 3rd ed. Moscow, Norma Publ., 2005. 912 p.
19. Repetskaya A.L. (ed.). *Viktimologicheskaya kharakteristika regional'noi prestupnosti i ee preduprezhdenie* [Victimological Characteristics of Regional Crime and its Prevention]. Moscow, Academia Publ., 2009. 304 p.
20. Podgornaya S.V. Criminogenic and victimogenic factors contributing to sexual abuse of minors. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 18, pp. 37–40. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ережипалиев Дамир Ильдарович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, доцент кафедры общей юриспруденции и правовых основ безопасности Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ», кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: damirastr@mail.ru.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Erezhipaliev, Damir I. — Senior Researcher, Research Institute of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, Ass. Professor, Chair of General Jurisprudence and the Legal Basis of Security, National Research Nuclear University «MEPhI», Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: damirastr@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Ережипалиев Д.И. Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества / Д.И. Ережипалиев // Всероссийский криминологический журнал. — 2017. — Т. 11, № 1. — С. 98–108. — DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).98-108.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Erezhipaliev D.I. Juvenile delinquency at the present stage of Russian society's development. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2017, vol. 11, no. 1, pp. 98–108. DOI: 10.17150/2500-4255.2017.11(1).98-108. (In Russian).